

ПРИАМОВЫ СЕРЕЖКИ

С трех лет Люша была твердо убеждена, что все самое интересное находится в земле, будь то сладко пощипывающий язык редис, полупрозрачный фиолетовый камешек или дождевой червяк. Когда Люша сидела в песочнице среди сверстников, лепивших кулича, и усердно черпала ведерком грунт, стороннему наблюдателю сразу бросалась в глаза целенаправленность процесса — словно эта пухлая, зефирной нежности кроха пыталась докопаться по меньшей мере до станции метро «Маяковская», которую в те годы как раз закладывали в Ленинграде.

Мама Люши, Антонина Семеновна Крымова, стройная женщина, носившая пышную укладку «бабетта» с высоким, залитым лаком начесом, работала администратором в Кировском театре. Дочери она дала имя в честь балерины Улановой, сама же потом стала ласково называть Галюшей, а когда теряла терпение — Люшей. Вскоре первый слог за ненадобностью отвалился и Галюша превратилась просто в Люшу.

Несмотря на непосредственную близость к богеме, человеком творческим Антонина Семеновна не была. В то же время театральная должность наложила на нее печать светскости и легкого снобизма. Перво-наперво она научила дочь, в какой руке держать нож, а в какой — вилку, и гордилась тем, что Люша любому сладкому предпочитала азербайджанские маслины (их и многие взрослые-то не ели), — видела в этом зачатки будущего тонкого вкуса. А вот тому, что Люша всегда

возвращалась с прогулок чумазая, как чертенок, Антонина Семеновна, конечно, не радовалась. Но что поделать — дети.

Когда Люше исполнилось восемь, родители взяли ее в гости за город, на взрослый юбилей. Судя по недовольно поджатым маминым губам, парадным золотым сережкам величиной со спелую черешню и гигантскому букету вонючих лилий, который ехал в электричке по соседству с Люшей, чествовали кого-то из женщин — папиных коллег. Люшин папа, Геннадий Вадимович, рослый и бородатый школьный географ, был всеобщим любимцем. По нему сохла половина учительской, а другая половина, постарше, воспринимала как приемного сына.

Праздничный банкет с непременною селедкой под шубой и мутным дрожащим холодцом накрыли на застекленной веранде старой двухэтажной дачи. Отмечали пятидесятилетие Нонны Викторовны Стрельцовой, с чьим гнусавым толкованием всемирной истории Люша еще не сталкивалась, поскольку училась в начальной школе. Именинница жирно мазнула по маминой щеке помадой, приняла у Люши букет, ввинтила его в ведро, разворошив охапку мятых роз. Пригласила Крымовых к столу, главным украшением и композиционным центром которого служило овальное блюдо: на нем покоился величавый гусь с золотистой корочкой, обложенный дольками сморщенных яблок.

Вокруг расселись с десяток незнакомых взрослых и трое нарядных, точно конфеты в фантиках, детей. Мальчики были на пару лет помладше Люши (то есть слишком маленькие, чтобы вызвать с ее стороны какой-либо социальный интерес). Дочка Нонны Викторовны Светочка училась с Люшей в одном классе. Теоретически все располагало к общению, но Люше не понравился объемистый капроновый бант, смотревшийся на голове Светы как дурацкая, сползшая набок шляпа. Взрослые же страшно умилялись и поминутно трепали Свету за красные щеки — не хватало еще с ней за компанию получить щипков.

За окном сеял мелкий летний дождик. Уютно запотели стекла. Люша ерзала на двух томах Советской энциклопедии, помещенных на стул, чтобы ей сиделось повыше. Слушала бесчисленные тосты, с тоской глядела на склизкие маринованные грибочки, которые мама переложила ей в тарелку из хрустальной розетки, и маялась. Самое вкусное — картошку в аппетитных горелках, пахучий бутерброд со шпротами и, разумеется, маслины — она уже съела.

Взрослые помягчели и зарумянились. Даже у мамы, весь день улыбавшейся так, будто ее сзади тянули за уши, на левой щеке проступила ямочка. Потребовались развлечения. В середине веранды установили табурет, на который друг за другом забирались дети и отбывали увеселительную повинность: кто отделялся песенкой, кто незатейливым стишком. Светочка шепеляво прочла басню про мартышку и очки. На месте молочного зуба у нее розовела прямоугольная дырка.

Подошла и Люшина очередь. Она продекламировала с двумя запинками заранее заготовленного Маршака (а сбивалась Люша оттого, что мама все выступление синхронно шевелила губами) и сползла с табуретки. И тут представился шанс: одна из тетенок, широкая и бархатная, вроде придворной жабы, смахнула с напудренной щеки слезинку и томно выдохнула: «За детей». Улучив момент, когда гости звонко чокались, Люша выскользнула с веранды.

Выходить на участок без спроса мама строго-настрого запретила. Это из-за платья — нового, бело-голубого, со сборками, круглым вышитым воротничком и малюсенькими рукавчиками на туговатых резинках, которыми ужасно натирало под мышками. «Только попробуй изгваздать», — сурово предупредила мама еще в городе. Внятной угрозы за этим не последовало, но начавшая стремительно взрослеть Люша уже понимала: неизвестность, как правило, гораздо страшнее любого конкретного наказания.

От нечего делать Люша обследовала коридор. Грустно отметила, что входная дверь, ведущая на запретный участок,

отпирается простым поворотом ключа, но соблазн поборол стoisически. Наведалась на кухню, где пунцовая сестра хозяйки, сжимая нетвердой рукой консервный нож, вскрывала банку с дефицитными персиками.

Люша поднялась по сиплым ступенькам на второй этаж. Послoнялась по небольшим комнатам среди кроватей, диванов и раскладушек, кое-как застеленных, чтобы разместить ночующих гостей. Изучила коллекцию пыльных ракушек на полке, прошлась взглядом по книжным корешкам, тронула струны бокастой гитары, которой, похоже, мало это понравилось. Отважно сунулась в громадный, грозивший проглотить сундук. Никакого пиратского клада, впрочем, внутри не обнаружила — и вообще ничего, кроме затхлой одежды.

С веранды долетали крикливые отголоски. Время от времени звенели бокалы, брякали стопки. Кто-то что-то разбил, захмелевшие тетеньки вразнобой завопили: «На счастье!» Люша уже все осмотрела, но спускаться к столу ей категорически не хотелось. Она устала. Картошка со шпротами согревала живот, от ее теплой тяжести клонило в сон.

Подготовленным для гостей постелям с противно холодным и сыроватым бельем Люша предпочла массивное продавленное кресло у окна. Забралась с ногами, стащила со спинки сквозистую шерстяную шаль, укуталась. Вечерело; из углов комнаты к Люшиным пяткам потянулась тень — не знакомая домашняя темнота, живущая у нее в шкафу и под кроватью, а чужой, тревожный, скрипучий сумрак. Перевесившись через подлокотник, Люша ощупала голенастый торшер, нашла заветную пупочку, включила свет — стало лучше. Угнездилась поглубже в кресле, бочком уперлась в нечто твердое.

В книжку. Точнее, в автобиографию (хотя это слово Люше было пока незнакомо). Зачитанную, не очень толстую, в бурой обложке, на которую неизвестный оформитель поместил горшок с желтыми украшениями. «Золото

Трои», Генрих Шлиман. На первой странице — фотопортрет лобастого дядьки с гнутыми книзу усами и таинственным взглядом, обращенным куда-то за пределы кадра. Как позже поймет Люша — в вечность.

Люша любила читать. Она полистала замусоленный томик, задерживаясь на черно-белых снимках, и у нее вдруг сбилось дыхание. Грубая каменная кладка, горы вывороченной земли, лопаты... А дальше — женщина с симметричным и невозмутимым лицом. Настоящая красавица. От совершенной греческой скульптуры из Эрмитажа ее отличала только маленькая родинка на скуле. И вся в драгоценностях: на груди лежало многоярядное ожерелье из тонких цепочек, длинные серьги оттягивали мочки, золотые подвески двумя косами спускались на плечи от широкой, с частой бахромой, диадемы. И подпись: «Супруга Генриха Шлимана София в украшениях из клада Приама». Предчувствие не обмануло — это клад! Люша торопливо вернулась в начало и припала к тексту.

Люшина мама обнаружила дочь несколько часов спустя в том же кресле, замотанную в кокон из какой-то ветхой шали. Собралась было пожурить, что Люша против всяких приличий улизнула из-за стола, но, заметив книжку, оттаяла. Чтение в системе ценностей Антонины Семеновны стояло по рангу выше этикета. И все-таки Люше давно уже полагалось спать, а не сидеть, согнувшись крючком, над мелким текстом. Поэтому, несмотря на умоляющее «Пожалуйста, еще чуть-чуть!», от которого щемило сердце, Антонина Семеновна отправила дочку в постель. Чтобы Люша уgomонилась, со вздохом пообещала с утра одолжить Шлимана у хозяйки.

Антонина Семеновна и сама страсть как хотела лечь. Голова неприятно прояснялась и побаливала — начинало выветриваться выпитое вино. Разухабистый бабский юбилей чертовски ее утомил. Вот в Комарове, когда были у Петровых, в Доме творчества композиторов — совсем иное дело.

И публика интеллигентная, и разговоры другие, интеллектуальные, это вам не вульгарные сплетни учительок о дразгах в роно, споры о методах засолки огурцов и непрерывное брюзжание, какова, дескать, пошла молодежь. Генку обхаживают так гаденько: кто лапкой увядшей дотронется невзначай до его руки, кто оливьешки с майонезом в тарелку, да побольше... Старые тетехи, тьфу.

Стараясь не попасться никому на глаза, Антонина Семеновна добралась до умывальника. Возвратилась в комнату к Люше, которая сопела на широкой кровати мордашкой к стене. Сняла с ушей округлые серьги, проворными пальцами перебрала распадавшуюся прическу, вытащила шпильки. Залезла к дочери под ватное одеяло. Аккуратно положила голову на комковатую подушку, чтобы не замять волос: укладку нужно было сохранить до завтра любой ценой. Немного погода поднялся, наконец, и Гена.

Когда Люша проснулась, было темно, лишь фонарь с дороги давал слабый гудящий отсвет. Мама спала, вытянувшись стрункой. Раскатисто храпел папа. Уснуть снова не представлялось возможным: у Люши возникла идея, которую приспичило воплотить немедленно.

Она выкрутилась из жаркой постели. Сунула ноги в сандалии, наступив босыми ногами на колкие пряжки. Нашарила в полумраке платье, помедлила, засомневалась. Напялила вместо него папину сорочку, насквозь пропахшую табаком и приторной смесью духов. Стиснула в потном кулачке мамины драгоценные сережки — дутые шарики в замысловатой золотой оплетке корзинкой. Ясное дело, чтобы считаться взаправдашним кладом, они должны пролежать в земле как минимум ночь. Так она думала, пока кралась вниз по лестнице, замирая и прислушиваясь при каждом скрипе.

Дверь и впрямь открылась легко. Перед Люшей мрачно колыхался мокрый шелестящий сад. Щекотно стрекотали ночные насекомые. На мгновение Люшу парализовало. Ее отчаянно потянуло к родителям, назад, под теплое одеяло.

Linum usitatissimum

Глубоко вздохнув, она ступила с безопасного крыльца в неведомое.

Сандалии мигот отсырели. Соскальзывая со стелек, Люша потопала по дорожке к клумбе, засаженной еле различимыми мглистыми цветами. Бухнулась на коленки, подмяв отцовскую рубашку, поспешно разрыла среди сизых стеблей влажную ямку. Положила туда сережки, накидала земли. Огляделась в поисках какой-нибудь веточки или камня — обозначить место, — но таковых в темноте не сыскалось. Люша постаралась запомнить приметы: размытый изгиб тропинки, два сумрачных куста.

Задуманное было исполнено. Люша юркнула обратно в дом. Разделась и легла, тесно прижалась к маме, так и не менявшей позы. Чрезвычайно довольная вылазкой, уткнулась головой в подушку и быстро заснула, представляя смелого археолога Генриха своим мужем, а себя — его прекрасной античной женой в многорядных золотых украшениях...

Само собой, наутро сережек она не нашла: забыла, где именно закопала. Удивительно — при свете дня сад показался Люше совсем другим, цветным и четким, каким-то ненастоящим, точно вырезанным из бумаги. Зыбкие ночные ориентиры исчезли. Ох и влетело же ей тогда — и за сережки, и за отцовскую рубашку, неминуемо испачканную. Которая, собственно, Люшу и выдала. Но все это было абсолютно неважно: вместе с заслуженной взбучкой мама вручила ей книгу, перепавшую от щедрот великодушной с большого бодуна Нонны Викторовны.

— Насовсем? — тихонько уточнила обалдевшая Люша, прижимая к груди потрепанного Шлимана.

Мама сухо кивнула. Ей было тошно от мысли, что однажды, вскапывая кверху задом свои чахлые клумбы, Нонна Викторовна непременно наткнется на серьги — и, конечно, оставит себе. Наверное, стоило попридержать у себя книжку. Даже, может, соврать Люше, мол, не дали. Так сказать, в воспитательных целях.

Но тяга дочери к чтению по-прежнему обладала в глазах Антонины Семеновны особой ценностью — высокой, гораздо более высокой, чем у любимых, подаренных мужем сережек.

Археолог-самоучка Шлиман так и остался Люшиной первой любовью. Чем пленил ее этот путешественник, полиглот и торговец? Неутолимой жаждой знаний, тягой к авантюрам, а может, чистой и по-детски наивной верой в поэмы аэда Гомера, которые подсказали ему местонахождение загадочной Трои... Пожалуй, всем понемногу.

Правда, когда выяснилось, что советские археологи шлимановскими мифологическими тропами не ходят, в Грецию не ездят, а работают в основном в Крыму или на Кавказе, разгоревшийся в Люше огонь приутих. Ровно до тех пор, пока к ним в пятый класс не перевели новенькую Веру Стерх.

Молчаливая Вера, с ее куцей чернявой стрижкой, выпяченным подбородком и долговязой фигурой, была тут же признана девчонками какой-то странной. Коричневое школьное платье, симпатичное само по себе, совершенно на ней не сидело. Особенно бросались в глаза непомерно короткие рукава и тяжелые ладони со старательно, но неуклюже подпиленными ногтями на длинных пальцах.

Однажды, на следующий день после первого в том году родительского собрания, востроногая Светка Стрельцова, ставшая главной сплетницей класса, явилась в школу в состоянии крайнего возбуждения. Вид имела торжественный и многозначительный.

— Люш, а ты знала, что Верин папа колдун? — шепнула на уроке истории, теребя вылезшую из растрепанной русой косицы белую ленту.

Люша нахмурилась. В колдунов она не больно-то верила. Хотя, признаться, почувствовала пробежавшую по позвоночнику ледяную мурашку. Всего одну.

— С чего ты взяла?

— Мама сказала папе, у него вся квартира в черепках! Человеческих! — взбудораженную Светку аж потряхивало, в уголке маленького рта поблескивал перламутровый пузырек слюны. — А Вера — его падчерица, он ее держит при себе как прислугу. Говорю тебе!

— Да ну тебя с твоими сказками, — буркнула Люша, силясь услышать, что именно гундосит у доски Нонна Викторовна про границы греко-македонских государств.

Обиженная Стрельцова уткнулась в тетрадку. Жгучий темный секрет, распиравший со вчерашнего вечера, был израсходован зря — угас, словно бенгальский огонь, который неловко уронили в сугроб.

Благодарные слушатели у говорливой Светки все же нашлись. К концу дня новость облетела весь класс и обросла совсем уж фантастическими деталями (например, о том, как злоеущий Стерх перед сном проводит ведовские обряды с детскими костями). На Веру, обреченную из-за роста вечно торчать на камчатке, то и дело косились — одни с опаской, другие сочувственно, — но знакомиться поближе и проверять интригующие сведения, естественно, не желали.

Сказать по правде, Люша тоже не переставала думать о Верином отце. Вовсе он не колдун — в этом она практически не сомневалась... Но может быть, с трепетом размышляла Люша, он археолог? Она уже знала, что ученые раскапывают древние могилы не золота ради, а чтобы найти интересные вещи и человеческие останки. Ну откуда еще, скажите на милость, у Стерха было взяться черепам? Ее собственный папа в ответ на расспросы только плечами пожал и, ухмыльнувшись в усы, дал совет подружиться с Верой.

Люша прислушалась. Усаживалась к Вере за парту, предлагала скрепя сердце свою сосиску в столовой, вставляла в пару на физкультуре — в общем, брала измором. Вера на сближение поначалу не шла. Поглядывала исподлобья,

на уроках не болтала, от сосиски, к досаде и радости Люши, вежливо отказывалась. Вероятно, ждала подвоха.

Не терпящая поражений Люша сменила тактику — стала наблюдать. На переменах Вера постоянно играла сама с собой в непонятную игру. Выписывала на тетрадном листочке циферки, потом в неизвестном порядке зачеркивала. Люша гадала-гадала, пробовала и так и эдак, однако общего принципа не вывела. Лишь частности: что числа идут от одного до девятнадцати, а вычеркивать надо те пары, которые в сумме образуют десять. Тогда она села в очередной раз рядом с Верой, достала тетрадку и принялась играть как умела.

— Неправильно, — не выдержала Вера. — Составляй пары из соседних чисел. Когда зачеркиваешь, образуются новые пары, как здесь и здесь. В конце надо заново переписать все оставшиеся цифры...

Так и сдружились. Единственное, чего Люше не удалось, — это добиться взаимной симпатии между Верой и Светой. Аккуратистка Вера на дух не переносила расхлябанную, всегда не на те пуговицы застегнутую Светку. Стрельцова же, привыкшая в одностороннем порядке считать Люшу лучшей подружкой, называла Веру занудой, жутко ревновала и норовила встрять в каждый Люшин с Верой разговор.

Новая подруга действительно отличалась щепетильностью и почти болезненной опрятностью: крошечное чернильное пятнышко на кружевной манжетке доводило обыкновенно флегматичную, глухую к насмешкам Веру до сердитых слез. Дом она тоже содержала в чистоте. Люша напросилась к Стерхам в гости и обомлела, когда из липкого и загаженного коммунального коридора попала в идеально чистую комнату. Жадно заозиралась — две разделенные платяным шкафом кровати, степенные напольные часы, на окнах светлые венские шторы в мелкую полукруглую складку, напомнившие Люше спущенные чулочки.

Ни Стерха, ни черепов.

— А где твой папа? — разочарованно спросила Люша.

Вера поставила портфель на стул, стянула крапчатое от мокрого мартовского снега драповое пальтишко и повесила на рогатую вешалку.

— В кабинете работает. А тут у нас общая комната.

— Над чем работает? — не сдавалась Люша.

— Он ученый, пишет про древних людей, — отмахнулась Вера, сочтя объяснение достаточным. — Возьми тапки, поможешь мне с обедом.

На кухне, больше похожей на общественную уборную из-за немых кафельных стен и обилия засаленных тряпок, Вера вытащила из холодильника внушительную эмалированную кастрюлю с алыми маками на боках. Взгромоздила на плиту, где уже кипятилось чье-то белье, наполняя помещение горячим хлорным паром. Ловко, с одной спички, зажгла газ. Мотнула головой на шкафчик: «Доставай три плоски», сама порезала хлеб. Разлила половником куриный суп с вермишелью. Две плоски загрузила на поднос, вручила его Люше. В третью запустила ложку и, прихватив посудину полотенцем, понесла в ладонях.

Не дойдя до общей комнаты, Вера постучала мыском тапка в закрытую дверь. Щелкнул замок — и на пороге возник длинный носатый мужчина в прямоугольном твидовом пиджаке, свеженаглаженных брюках и больших стариковских очках. Стерх. Вера шмыгнула в кабинет. Люша вытянула шею — хоть бы одним глазком увидеть черепа, — но Стерх скользнул по ней незаинтересованным взглядом, что-то бормотнул и захлопнул дверь. Люша так и осталась стоять как дурочка, с подносом в коридоре, пока не вернулась Вера и не впустила в соседнюю комнату.

Суп был замечательный — ароматный, маслянистый, с тертой морковью. Правда, немного, самую чуточку, отдавал хлоркой.

— Вкусно. Моя мама тоже такой делает, — заметила Люша, дую в ложку, и осеклась. Наверное, она допустила бестактность?

Но Вера нисколько не расстроилась. Наоборот, улыбнулась, и от этой мягкой улыбки вдруг неожиданно стала выглядеть старше.

— Секрет в том, чтобы сперва зажарку сделать из лука с морковкой, — объяснила она.

Деликатно пристроила ложку на край плошки, сняла с полки увесистую поваренную книгу. Принялась тыкать пальцем в рецепты и смаковать всяческие кулинарные подробности, мало занимавшие Люшу.

Готовка в Люшином сознании накрепко связывалась с оседлостью и бытом, а значит, была занятием не то чтобы недостойным, но для великих путешественников явно бесполезным. Люша слушала Веру вполуха: ее, понятное дело, сейчас волновал исключительно кабинет. И ей несказанно повезло. Когда Вера прошествовала на кухню с опустевшими плошками, Люша выглянула в коридор и заметила, что вождеденная дверь слегка приоткрыта.

Сунула нос в щель — никого. По центру кабинета стоял исполинский письменный стол. Вытертое, местами прожженное сукно зеленело из-под вороха бумаг, испещренных какими-то чертежиками. Отсвечивала хрустальными гранями переполненная пепельница с латунным ободком. По периметру комнаты — книжные шкафы с прозрачными дверцами. Люша подошла к одному, поднялась на цыпочки. В стеклах отражались, мешая смотреть, тусклые блики настольной лампы.

Люша прищурилась, покрутила головой и углядела среди трухлявых томов потусторонний костяной оскал. Отступила и зачарованно ахнула: тут и там щерились потрескавшиеся желтоватые черепа — большие и малые, с нижней челюстью и без... А на полке ниже, к вящему изумлению Люши, лежали, лоснясь атласом, нежные, пусть и стесанные

на носках балетные пуанты, изысканный флакончик духов и письма — несколько перехваченных лентами пачек...

— Кто тебе разрешил это смотреть, девочка? — раздался высокий недовольный голос.

У Люши запылали щеки. Онемев от смущения, она вернулась к хозяину кабинета. Из коридора повеяло шершавым запахом кофе. Стерх навис над ней, раздувая ноздри огромного горбатого носа. Сжимал крупными плоскими пальцами кожаную папку — глядишь, сейчас прихлопнет как глупую осу. В очках Люша увидела свое испуганное отражение поверх его увеличенных, с кровянистыми прожилками, глаз. Она пролепетала извинения и опрометью выскочила в коридор, где на нее сердито зашипела Вера.

Стерх положил папку на стол. Растерянно провел пятерней по волосам, жалко зачесанным назад, чтобы скрыть недавно обнаруженную пролысинку. Вытянул из кармана носовой платок и стер со стекла следы маленьких пальчиков. Надо будет еще раз сказать Вере, чтобы не пускала сюда подружек. Слишком уж опасался Стерх, страстный театрал, безнадежно и безответно влюбленный во всех московских и некоторых ленинградских прим, за свою скромную коллекцию. Ну какой девочке не захочется поиграть с этими манящими штучками? Балерины... Изящные, легконогие, сладчайшие из созданий...

Люша и сама себя ругала последними словами: совсем от волнения смешалась, балбесина, не спросила у Стерха главного. Ничего, кое-что важное она тем не менее выяснила и уже знала, как использовать: Стерх, очевидно, любит балет. А в сумке у Люшиной мамы хранится специальная книжечка с пропускными бланками, которая вкупе с волшебным словом «контрамарка» укрощает даже хамоватых врачей из поликлиники. В переговорную силу книжечки Люша уверовала твердо.

О том, чтобы снова без разрешения попасть в кабинет к Стерху, не могло быть и речи, поэтому Люша при

следующем визите тайком от Веры записнула книжечку вместе с запиской в узкий просвет под дверь. Сообщение было простым и вежливым: Люше, будущему археологу, очень хочется узнать, где «многоуважаемый» ученый и коллега раскопал древние черепа...

Не прошло и четверти часа, как Стерх нагрянул в общую комнату. Вера только что вытрясла из тканевого мешка пластмассовые фишки для «Эрудита» и теперь переворачивала их буквами вверх на ковре.

— Значит, черепа, а, девочка? — спросил он Люшу, помахав запиской. — А я-то думал... Ну пойдем.

Обмирая всем тельцем, от корней волос, скрученных мамой в тугие каральки, до грязноватых пяток, Люша последовала за ученым. В кабинете Стерх дернул дребезжащую дверцу шкафа. Вынул глянцевого череп, протянул Люше. На ощупь костяной каркас был твердым и гладким, как бы полированным. И совсем не тяжелым.

— Вы археолог? — задала она давно мучивший вопрос.

— Нет. Антрополог. Ты понимаешь разницу?

Люша неуверенно кивнула. Стерх тепло усмехнулся, поправил очки, усаживая их обратно на красноватую вмятину тонкой переносицы.

— Археологи изучают, как люди жили. Зачастую они первыми спустя тысячелетия прикасаются к предметам быта и ископаемым останкам. Наша наука тоже уделяет таким находкам большое внимание, но нас волнуют вопросы культуры, этносов, проблема антропогенеза... Происхождения человека, — пояснил он. — Кто мы. Откуда пришли.

За ворот Люше пробрался нездешний сквознячок, словно выползший из какого-то доисторического кургана.

— А зачем вам столько черепов? — полюбопытствовала она, не в силах отвести взгляд от пустых глазниц.

— Был такой видный антрополог, Михаил Михайлович Герасимов. Мой учитель. Я продолжаю его работу. Он разработал методику, благодаря которой мы можем изучить

череп и понять, как выглядел его обладатель. Получить представление о внешности хоть древнего неандертальца, хоть Ивана Грозного.

— Покажите, — потребовала Люша и отдала Стерху череп. И добавила: — Пожалуйста.

Стерх повертел костяной шар в руках, словно выбирал на базаре дыньку-колхозницу:

— Обычно мы начинаем со специальных измерений, краниометрии. Но даже после поверхностного осмотра можно заключить, что это был юноша, судя по профилировке лица. У женщин она другая. Черепные швы, зубы и еще некоторые юнальные особенности строения лицевого отдела позволяют определить возраст, что-то около двадцати лет... Видишь, как хрупок костный материал?.. — Ученый легонько постучал череп по темени. — Сильное недоедание, он очень исхудал. Лоб высокий, с выраженными буграми. Большие глаза... И так далее. Чтобы достичь портретного описания, нужны детальные обводы, по которым затем делается реконструкция из скульптурного воска.

Люша слушала заворуженно. Все это здорово походило на магический фокус. Как воссоздать лицо на основе голых костей? Откуда взять форму носа, если вместо него лишь жутковатое треугольное дупло? Загадка.

— А этот юноша древний?

Стерх печально покачал головой:

— Нет. Это опытный образец. Мальчика того, ленинградца, не стало тридцать лет назад.

Люша машинально произвела в уме нехитрые расчеты. Сорок четвертый, да, никакая не древность. И принялась дальше выпрашивать про замеры и про воск, и что, прямо лепить нос, уши, как из пластилина?..

Так Валерий Яковлевич Стерх неожиданно для себя превратился в Люшиного наставника и покровителя. Книжечку ту со служебными пропусками после некоторых колебаний

он Антонине Семеновне, конечно, вернул, а впоследствии до конца жизни получал контрамарки на все мало-мальски значимые премьеры в Кировском театре.

Первая настоящая Люшина экспедиция состоялась через четыре года. Ей было пятнадцать. Она только-только прошла невыносимую стадию телесных изменений, когда растущий организм беспрестанно преподносит гнусные сюрпризы: то подлый, вызревший за ночь прыщ-жировичок, то острый приступ внутримышечного зуда, а то и темный волосок в неположном месте — скажем, на подбородке, — как будто мало природе того безобразия, что происходит в местах подобающих.

Весь остаток весенней четверти Люша изнывала. Ничто не радовало в томительном ожидании поездки. Горчили на языке пятилистники сирени, мальчишки раздражали, первые в жизни туфли на взрослых каблуках натирали кожу до мокрых мозолей. А главное — прежде любимые уроки истории теперь воспринимались как бесконечный пролог. Люше не терпелось перейти от слов к делу.

И вот каникулы. Папа достал с антреселей лежалый походный рюкзак. Люша затолкала туда запас белья, свитера для спусков в пещеры, рабочие брюки, а еще джинсы и пару платьев — что называется, на выход. Седьмого июня Люша и Вера загрузились в плацкартный вагон. Люшу провожали родители, самостоятельная Вера, как обычно, добиралась до вокзала одна. Валерий Яковлевич прибыл позже, с тройкой веселых студентов-антропологов из ЛГУ.

Поезд шел на Кавказ. Дорога, как ни странно, промелькнула быстро. Люша лежала на верхней полке, перечитывала «Восстановление лица по черепу» Герасимова. Иногда спускалась к Вере поболтать, сыграть в морской бой и пожевать что-то из ее домашних заготовок — фаршированное яйцо или сложный многослойный бутерброд. Она испытывала неловкость за Верину стряпню (ну кто берет в экспедицию

такие изыски?), и зря: голодные студенты Стерха с ума от них посходили и в благодарность даже позвали девчонок к себе в отсек порезаться в карты. А ночью Люша лежала под простыней и прислушивалась к их разговорам: парни гудели, строили планы, спорили взахлеб о проблемах палеолита. Временами к их басовитому трио присоединялся резкий тенорок Стерха... И это было прекрасно.

В Тбилиси пересели на дряхлый автобус. С горем пополам по извилистому серпантину доползли до Цхинвали. Там их встретил Захарыч — жизнерадостный, обильно потевший мужик в нестираной майке и холщовых штанах, подвязанных веревкой. Но за рулем темно-зеленого грузовика с брезентовым верхом, гулкого и грязнящего, как помойный бак, Захарыч был асом, каких мало. Монструозная «шишига», грохоча и кренясь на крутых поворотах, бодро пожирала подъемы и спуски на пути к горняцкому поселку в Кударском ущелье, на северных склонах Рачинского хребта.

Пещерный комплекс Кударо, важнейший памятник каменного и медного веков, богатством уникальных находок ежегодно привлекал на Большой Кавказ самых разных специалистов. Вывезенные отсюда археологами палеолитические орудия, к примеру сланцевые ретушеры и чопперы из песчаника, пролежавшие в культурном слое без малого триста тысяч лет, и по сей день хранятся в Эрмитаже в залах археологии Восточной Европы и Сибири на первом этаже. А предметом изысканий антропологов были в первую очередь немногочисленные останки архантропов и неандертальцев. Человеческие предки, по всей видимости, спасались от оледенения в хорошо освещенных солнцем окрестных пещерах. Жили здесь, в горах, разводили огонь, охотились на медведей, оленей, бизонов и прочих плейстоценовых животных, чьи кости примерно с середины пятидесятих ученые регулярно выуживали из непроглядных недр.

Высоту в тысячу семьсот метров путники брали пешком, с рюкзаками на плечах. Часто останавливались: тяжело

было подниматься в гору по натопанной тропинке, ноги, затекшие после длительного перегона, не слушались. Люша, однако, бежала впереди — сказывался энтузиазм неофита. Не отставал, несмотря на возраст, и Стерх. По мере приближения к стоянке руководитель молодел на глазах; Люша списала эффект на здешний животворящий воздух. Так и шагали вдвоем в авангарде, самый старый и самый юный участники экспедиции, и прыти в них было поровну, как в сообщающихся сосудах.

— Добро пожаловать, — наконец объявил Стерх.

Люшиному взгляду предстала полузаброшенная деревенька. В бедную скальную почву вросли приземистые деревянные домики с большими, почти во всю стену, решетчатыми окнами. Крутобокие уличные печи источали дивный аромат горячих лепешек. «Тандыр», — благоговейно прошептала Вера, а Люша непроизвольно сглотнула. У горки нарубленных дров на сучковатой колоде в позе мудрого старца, подпершись, восседал щуплый смуглый мальчуган и темными глазами провожал прибывших.

— Имей в виду, — предупредил Люшу руководитель, — мы, антропологи, на раскопе народ пришлый. Во-первых, надо уважать местных, это, думаю, без объяснений понятно. Во-вторых, нужно считаться с хозяевами стоянки, археологами. Научными сотрудниками и их практикантами. Они ведут основные полевые работы. Приезжают в Кударо первыми, с оборудованием и провизией, обустраивают базу и последними уезжают. Остальные группы — так, погостить на всем готовом.

— А что за остальные группы? Кроме нас? — встрепенулась Люша, поглядывая, как суровая, чеканной красоты осетинка развешивает на веревке лохматые шкуры.

За редкозубым штакетником поблеивали овцы. Там и сям в выжженной солнцем траве попадались скопления черненьких козлых шариков.

— Палеонтологи, например, — ответил Стерх. — Ищут кости каких-нибудь грызунов, носятся с ведрами и ситами,

намывают грунт из раскопа. Геологи-четвертичники почву исследуют. Академик Молчанов сейчас тут, кстати. Увидишь, напыщенный такой господин, доктор геолого-минералогических наук, за ним всегда бегают рьяный школяр с теодолитом. И гречку ему студенты варят отдельно. Тоже мне, барин, — неодобрительно проворчал он. — А вообще, кого только нет... Вплоть до астрономов. Их по синякам под глазами можно идентифицировать. Они, бедняги, не высыпаются, ночами звезды считают, а днем их все норовят привлечь к тяжелому физическому труду.

Познакомившись поближе с обитателями базы, Люша узнала, что существует еще одна категория «пришлых» — неквалифицированный творческий люд. Поэты, художники, музыканты, прибившиеся к экспедиции в поисках вдохновения.

Взять, скажем, флейтистку Сонечку, невесомую и белокурую консерваторскую лорелею, обладательницу чересчур подвижной, словно на шарнирах, челюсти, — ее утренние гаммы будили экспедицию почище пионерского горна. Или медвежьего вида Севу из Ленинградского института киноинженеров, который путал палеолит с неолитом и с первого дня своим невежеством действовал Люше на нервы. Встречались и просто эксцентричные личности — как сухощавый йог по прозвищу Мяу-Ляу. Этот питался исключительно грецкими орехами в меду из привезенной с собой пятилитровой банки. Богему тоже снабжали лопатами или кисточками и спозаранку отправляли на раскоп. Впрочем, они не больно-то протестовали, ведь вдохновения от местных лиловых рассветов хоть отбавляй...

Жилось на базе относительно комфортно, даже не в палатках. Под нужды экспедиции был приспособлен заброшенный осетинский дом на краю скалы. Одно из помещений археологи отвели под камералку. Там чистили, фотографировали и изучали добытый в пещерах материал, а еще, по слухам, назначали поздние свидания. В других комнатах

ночевали (кто на раскладушках, кто в тощих спальниках с хлопчатобумажными вкладышами), еду готовили на летней кухне. Дела туалетные браво справляли прямо над бездной, в щелястой кабинке, по-хитрому пристроенной к дому. Умываться ходили с бруском хозяйственного мыла на ручей либо наскоро освежались у рукомойника, прибитого к одинокому деревцу. По воскресеньям спускались в нижний поселок — в баню.

Больше всех от тягот этой недопоходной жизни страдала, понятно, чистоплотная Вера. Кропотливая и точная возня с костями в камералке вполне соответствовала ее усидчивой натуре, но вот неистребимая грязь... Тут-то и начались между подругами разногласия. Люша к бытовым неудобствам приладилась быстро, по-спартански; Верино нытье ей стало надоедать. Ну Люша и огрызнулась пару раз, Вера обиделась. А что, не полагается дочери Стерха жаловаться, не к лицу. Тем паче, когда столько чудес творится: и полуночные песни под гитару, и сумасшедшие звезды, и первые робкие глотки молодого вина.

Стерх был Люшей доволен, хвалил. Он до последнего колебался, стоило ли брать с собой в экспедицию не одну, а сразу двух неразумных девчонок, от которых только и жди, что будут путаться под ногами. Это ж не студентики Молчанова, подобострастные и вышколенные до нервного тика, а непредсказуемые подростки, женского тем более пола, со всеми их труднодостижимыми потребностями. Что до Веры... Кто знал, что в ней так сильны неврозы, ее клиническая домовитость — готова в студенческом ручье портянки стирать, пока суставы не распухнут.

Разумеется, Стерх понимал, что виноват. Он-то после смерти жены малодушно ушел в работу, а Вере куда было деться? Неспроста она взвалила на себя домашние тяготы, фактически сама себя воспитала по-женски... Стерх даже косичку не научился плести, лишь однажды отвел в парикмахерскую — Вера так и носит с тех пор короткую воробьиную

стрижку. Да, наверное, он нерадивый отец, но лучше того проходимца, который бросил Верину мать беременной и теперь не имел на дочь ни притязаний, ни прав.

А когда в доме Стерхов появилась Люша, эта неумная девчонка с горящими глазами, все в одночасье пересобралось в причудливую ролевою структуру, о которой Валерий Яковлевич пытался лишний раз не думать. Правда, порой ловил себя на неуютной мысли, что Люша ему как бы дочка, а хозяйственная Вера, столь похожая на маму, — немножечко жена...

Как бы то ни было, Люша, в отличие от Веры, демонстрировала выдающиеся способности к исторической науке, а уж для экспедиционной жизни и вовсе оказалась скроена идеально. Несмотря на похвалы наставника, ей, однако, мнилось, что она медлительна и неуклюжа. Люша лихорадочно ворошила в памяти все проштудированное по теме. Если от руководителя не поступало задач, добровольно бегала на раскоп. Наблюдала за археологами (ее манила их деятельная близость к земле), помогала, училась. И очень-очень старалась, особенно при старших коллегах.

К чести Люши, в пещере и в камералке она и вправду справлялась неплохо. Но на пятый день, когда ее поставили дежурной, случилась катастрофа.

Дежурных на кухню директивным порядком назначал руководитель экспедиции, грозный косматый археолог по фамилии Ванин, носивший полосатые рубашки попеременно с клетчатыми. И накануне Люша с ужасом узнала, что ей в напарники достался не кто иной, как увалень Сева из Института киноинженеров. Спроси ее кто-то — она не сумела бы толком объяснить, чем конкретно ее так бесит этот нескладный полноватый парень, с умным видом рассуждавший о Тарковском и ни черта не смысливший в истории. Бесит — и точка.

Беда заключалась в другом: как и Люша, Сева решительно не умел готовить. А им надлежало кормить голодных, со свежего воздуха, трудяг. Без малого два десятка. Так

что, встретившись утром рокового дня на летней кухне, оба смотрели на три пачки макарон и ровный столбик банок говяжьей тушенки с известным недоумением.

Почесав в затылках, приступили. Сева с трудом разжег костер, изведя коробок спичек. Люша принесла ведро воды и вылила в большой котел. Мучительно припоминая, как кто-то когда-то при ней вскрывал банку с дефицитными персиками, взялась за консервный нож. Подолбила крышку — безрезультатно.

— Да ты не тем концом, дай я, — авторитетно изрек Сева.

Размахнулся, пырнул банку — аж бульон прыснул — и давай орудовать локтем. Люша нахохлилась. Сева кинул торжествующий взгляд. И вдруг как заверещит! Рассек ладонь об острый край. Люша — за аптечкой, шипучая, розоватая от крови перекись, пластыри... Прочие банки Сева открывал уже не отвлекаясь, с идиотским выражением святого страстотерпца на круглом лице.

Переглянулись — что дальше?

— Макароны сыпать? — предположила Люша.

Ей бы с Верой сейчас посоветоваться, да какое там... Сутки не разговаривали.

— А тушенку? — спросил Сева, ущипнув свой мягкий, будто слива, нос.

— И тушенку!

С внезапной, незнамо где взятой решимостью Люша высыпала макароны в холодную воду. Сева поочередно опрокинул в котел банки влажно хлюпавшей тушенки. Перевели дух. Люша с достоинством помешивала половником жирное месиво, подражая Вере.

После того как вода закипела, серо-бурое тестяное варево вспучилось и полезло за борта. Запахло горелым: часть макаронной массы прилипла ко дну.

— Что стоишь, снимай! — завопила Люша.

Сева нерасторопно стащил котел с решетки, под которой полыхали угли.

— Тяжелый-то какой, елки-палки, — пробормотал он по пути к компостной куче.

Накренял бадью, сливая жидкость, все ниже и ниже, пока вместе с мутной бульонной водой на землю не шлепнулась добрая половина слипшегося теста. Люша с Севой глупо застыли над злополучным блюдом, сваленным в компост поблизости от подгнивших картофельных очисток и яичной скорлупы.

— Может, время признать поражение? — философски предложил Сева.

Люша затрясла головой:

— Ни за что!

Присела и принялась, чертыхаясь, собирать руками скользкие разбухшие макароны в ошметках тушенки обратно в котел. Она готова была разрыдаться: позорище, оставить экспедицию без обеда, так подвести Стерха... Видя, как Люша расстроилась, Сева щепотью подцепил из компоста склизкий комок.

— А знаешь, вкусно! — давясь, заверил с набитым ртом.

Естественно, это была ложь во спасение. Никто из загорелых ясноглазых ребят и их научных руководителей, собравшихся вскоре на летней кухне за крепким, грубо сложенным столом, подобного великодушия не проявил. Но экспедиционный народ незлобивый, а что важнее, бывалый. Ругаться на разваренные макароны не стали. Посмеялись зато от души. По счастью, днем раньше археологи спускались в баню, заодно закупились в нижнем поселке кто чем — бордовыми низками чурчхелы, свежеиспеченными пирогами, черемшой, дырчавым осетинским сыром. Устроили вскладчину спонтанную пирушку, даже мосластый Мяу-Ляу вложился горстью клейких орехов из своей медом заляпанной банки. Так что не пропали.

А Люша, потерпев кулинарное фиаско, поджала хвост. Помирилась с Верой и под ее руководством к концу поездки научилась лучше всех готовить макароны.